DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.5
УДК 332.145, ББК 65.04
© Кириллова С.А., Гайнанов Д.А.

Оценка места и роли российско-казахстанского приграничья в стратегических приоритетах России и Казахстана

Светлана Александровна
КИРИЛЛОВА
Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация
e-mail: kirillova_sa@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0622-5185; ResearcherID: O-4905-2015

Дамир Ахнафович
ГАЙНАНОВ
Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: 2d2@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-2606-2459; ResearcherID: O-5141-2015

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена стратегической значимостью российско-казахстанского приграничья как одного из ключевых евразийских макрорегионов и его развитием в условиях трансформации мировой экономики, геополитических сдвигов и нарастающей пространственной поляризации. Цель исследования – определение места и институциональной роли приграничных регионов России и Казахстана в системе стратегических национальных приоритетов, а также выявление дисбалансов между декларируемыми национальными интересами и реальными социоэкономическими процессами по обе стороны приграничья. Научная новизна исследования заключается в комплексном межстрановом анализе иерархии национальных интересов государств применительно к их общему приграничью на основе гибридного дизайна исследования, сочетающего качественный контент-анализ стратегических документов и

Для цитирования: Кириллова С.А., Гайнанов Д.А. (2026). Оценка места и роли российско-казахстанского приграничья в стратегических приоритетах России и Казахстана // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 5. С. 104–120. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.5

For citation: Kirillova S.A., Gainanov D.A. (2026). Assessing the place and role of the Russian-Kazakhstan borderlands in the strategic priorities of Russia and Kazakhstan. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(5), 104–120. DOI: 10.15838/esc.2026.5.107.5

количественный – статистических панельных данных за 2000–2024 гг. с использованием Gap-анализа. В отличие от предшествующих работ, ориентированных на анализ отдельных сторон приграничного сотрудничества, в исследовании системно сопоставляются стратегические приоритеты и национальные интересы обеих стран с текущей динамикой, выявляются тенденции институционального разрыва. Установлено, что в стратегических документах России приграничным регионам отводится роль логистического и транзитного щита, а в Казахстане они рассматриваются как основа экономического суверенитета и демографической устойчивости. При этом реальные статистические показатели за исследуемый период свидетельствуют о стагнации приграничья: при средней доле населения в 19,26% российские приграничные регионы формируют лишь 11,72% ВВП, а казахстанские, потеряв треть экономического веса, перестают быть безусловным драйвером роста, что свидетельствует об устойчивом институциональном разрыве между декларируемыми в системе стратегических документов приоритетах и национальных интересах и реальной макроэкономической динамикой. В заключение выделены общие для стран векторы государственной политики, направленные на преодоление этого разрыва через переход к территориально-кластерному принципу управления, системную реконфигурацию институтов и программно-проектные механизмы, позволяющие конвертировать транзитный потенциал приграничья в устойчивое социально-экономическое развитие.

Ключевые слова: приграничные регионы, приграничные территории, российско-казахстанское приграничье, национальные интересы, стратегические национальные приоритеты.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-00629, https://rscf.ru/project/26-18-00629/.

Введение

Российская государственная граница одна из самых протяженных в мире и составляет около 60 932 км, в том числе сухопутная около 22 125 км, что означает наличие большого количества приграничных регионов – 41 из 89 по состоянию на 2026 год.

В условиях переориентации в последние годы экономики приграничья с Запада на Восток и глобальный Юг резко возросло значение российско-казахстанского части государственной границы как главного евразийского вектора экономической интеграции, что подтверждают масштабный перечень субъектов российского приграничья – 12 регионов при протяженности границы около 7599 км; единое экономическое пространство; исторически сложившаяся еще в СССР промышленная и ресурсная кооперация; транспортные коридоры, связывающие рынки России, Центральной Азии, Китая и стран Персидского залива.

Научная проблема исследования заключается в противоречии между декларируемым в стратегических документах России и Казахстана приоритетным статусом приграничных регионов как «точек роста» и «опорных территорий» и их реальной социально-экономической динамикой, которая демонстрирует устойчивые тенденции периферизации, депопуляции и снижения инвестиционной активности.

Актуальность данной проблемы обусловлена следующими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, в условиях геополитической турбулентности и санкционного давления российско-казахстанское приграничье приобретает критическое значение для обеспечения транзитно-логистической связанности ЕАЭС и диверсификации экспортных маршрутов. Во-вторых, нарастающая пространственная поляризация внутри обеих стран ведет к концентрации ресурсов в крупных агломерациях, что усиливает риск консервации депрессивного состояния приграничных территорий. В-третьих, отсутствие единой совместной стратегии развития приграничья и научно обоснованных моделей управления не позволяет конвертировать выгоды от новой транзитной роли региона в устойчивое территориальное развитие, что создает угрозы национальной безопасности обоих государств.

Пробел в научном знании, дающий основание для проведения исследования, заключается в том, что существующие работы, как правило, ограничиваются анализом отдельных сторон приграничного сотрудничества (торговля, логистика, миграция) либо рассматривают приграничные регионы только одной из стран. При этом отсутствуют комплексные межстрановые исследования, которые системно сопоставляют иерархию национальных интересов и стратегических приоритетов России и Казахстана применительно к их общему приграничью с реальной макроэкономической динамикой за длительный период, выявляя институциональный разрыв между целеполаганием и реализацией.

Цель исследования – определение места и институциональной роли приграничных регионов России и Казахстана в системе стратегических национальных приоритетов, а также выявление дисбалансов между декларируемыми национальными интересами и реальными социоэкономическими процессами по обе стороны приграничья. В качестве анализируемого периода принят временной интервал с 2000 по 2024 год. Объект исследования – приграничные регионы России и Казахстана.

Научная новизна проведенного исследования заключается в комплексном межстрановом анализе иерархии национальных интересов государств применительно к их общему приграничью на основе гибридного дизайна исследования, сочетающего качественный контент-анализ стратегических документов и количественный анализ статистических панельных данных за 2000–2024 гг. с использованием Gap-анализа. В отличие от предшествующих работ, ориентированных на анализ отдельных сторон приграничного сотрудничества, в исследовании впервые системно сопоставлены стратегические приоритеты и национальные интересы обеих стран с текущей социально-экономической динамикой, что позволяет выявить устойчивый институциональный разрыв между целеполаганием и реализацией; предложена и апробирована триада базовых индикаторов (демография, ВРП, инвестиции) для объективизации оценки влияния приграничного фактора на макроэкономическую динамику.

Практическая значимость полученных научных результатов состоит в том, что они могут быть использованы органами государственной власти Российской Федерации и Республики Казахстан при корректировке стратегий пространственного развития, концепций приграничного сотрудничества и национальных планов развития, а также для разработки совместных межгосударственных программ и проектов по развитию приграничной инфраструктуры.

Данные и методы исследования

Для характеристики степени разработанности проблемы применялись методы анализа, обобщения и систематизации разнообразных подходов к вопросам, специфике и закономерностям социально-экономического развития территорий с учетом их приграничного положения, а для оценки динамики их социально-экономического состояния – методы статистического и социально-экономического анализа. Гибридный дизайн также включал контент-анализ стратегических документов (качественный), анализ статистических панельных данных (количественный) и Gap-анализ несоответствий между целеполаганием и реализацией.

Информационную базу исследования составили научные публикации отечественных и зарубежных авторов за период 1980–2026 гг., в том числе классические работы по теории приграничья, а также современные российские исследования, документы стратегического планирования федерального уровня, нормативные правовые и регуляторные документы России и Казахстана, а также стандартные статистические данные Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстат) и Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (Бюро национальной статистики) за 2000–2024 гг. по 12 российским и семи казахстанским приграничным регионам.

Выбор научных материалов и документов был обусловлен содержательным соответствием теме исследования и раскрытием места, роли или институциональных аспектов приграничных регионов России и Казахстана в системе стратегических приоритетов обеих стран, научной значимостью, верифицируемостью, актуальностью и релевантностью задачам исследования. Выбор статистических показателей был обусловлен их способностью характеризовать социально-экономическое развитие в части демографической, экономической и инвестиционной составляющих. Глубина динамики ана-

лиза определена необходимостью обеспечения качества и точности его результатов, которая может быть получена только в рамках долгосрочного тренда, позволяющего характеризовать как постсоветскую трансформацию, так и современный этап геополитических сдвигов исследуемых территорий.

На первом этапе работы на основе применения методов анализа, обобщения и систематизации научных публикаций систематизированы теоретико-методологические подходы к определению приграничных регионов и обоснованию их типологической принадлежности (задача 1). На втором этапе определено место и роль приграничных регионов в системе стратегических приоритетов обеих стран с помощью качественного контент-анализа стратегических документов (задача 2). На третьем этапе проведена оценка динамики социально-экономического развития приграничных регионов на основе количественного анализа статистических панельных данных за 2000–2024 гг. по триаде индикаторов (доля населения, доля ВРП/ВВП, доля инвестиций в основной капитал) (задача 3). На четвертом этапе с помощью Gap-анализа выявлен и количественно оценен институциональный разрыв между целеполаганием (декларациями в стратегических документах) и реализацией (фактической динамикой статистических показателей) (задача 4). В завершение обоснованы направления государственной политики по преодолению выявленного разрыва (задача 5) посредством методов сравнительного анализа и синтеза.

Теоретико-методологические подходы в исследовании приграничных регионов

В современных научных исследованиях приграничье рассматривается как сложный, многоуровневый феномен с позиций междисциплинарного подхода. Основные научные подходы к определению понятий приграничных территорий, а также комплементарного с ними понятия приграничности включают:

– географо-административный, рассматривающий приграничный регион как административно-территориальную единицу (субъект федерации, область, провинция), чья внешняя граница совпадает с государственной границей страны (Арсентьева, 2012; Бийжанова, 2015; Калугина, Фадеева, 2016);

– функционально-экономический, где жесткая привязка к административной границе отсутствует, а приграничные территории определяются через их взаимодействие с сопредельной стороной – «зоной контакта», размеры которой зависят от экономической активности, выражающейся в интенсивности трансграничных потоков товаров, капитала и рабочей силы (Бильчак, 2014; Бакланов, 2018; Кузавко, 2023; Морачевская, 2022);

– социокультурный, распространенный в социальной географии, политологии и пограничных исследований, согласно которому приграничная территория – это не только географическое, но и ментальное пространство, где формируются особые трансграничные сообщества (Боброва, Рогова, 2025).

В зарубежных исследованиях «приграничная территория» (border territory/frontier area) трактуется как географическая полоса прямого влияния (физического, экономического, социального) разделительной линии (House, 1980; Lawrence A. Herzog, 1990), тогда как под «приграничным регионом» (border region) понимается более сложная, институционализированная зона трансграничного взаимодействия, где граница становится ресурсом развития (Martinez, 1994; Anderson, O'Dowd, Wilson, 2003).

В российском законодательстве официально используются термины «приграничные территории» и «приграничные субъекты». Термин «приграничная территория» используется, преимущественно, в контексте безопасности, режима и охраны границы, закреплен в Законе Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации»[1] либо с позиций административно-территориального образования – территории приграничных субъектов Российской Федерации и их муниципальных образований, а также «...определенные международными договорами Российской Федерации иные территории Российской Федерации»[2].

[1] Закон Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» (с изменениями от 25.05.2026).

[2] Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 07.10.2020 № 2577-р).

В данной статье считаем целесообразным использование официальной терминологии в части определения приграничных регионов как территорий приграничных субъектов Российской Федерации и их муниципальных образований.

Характер государственной границы не является константой и под воздействием влияния внешних и внутренних факторов может меняться как в сторону приоритета барьерной (начало СВО, санкции западных стран), так и контактной функции. С изменением характера государственной границы меняется и характер трансграничных взаимодействий. В зарубежной и отечественной практике широкое распространение получили типологические построения, классифицирующие регионы по степени интенсивности трансграничных взаимодействий. В частности, О. Мартинес предложил различать территории с отчужденным, сосуществующим и интеграционным типом границы, причем последний отличается высокой плотностью функциональных связей между сопредельными экономиками и минимальными ограничениями для передвижения факторов производства (Martinez, 1994). Дальнейшее развитие эта классификация получила в работах Ван дер Вельда и Р. Мартина, которые дополнили ее категорией «взаимозависимых» регионов, где взаимодействие охватывает не только экономику, но и социальную, культурную и общественную сферы в максимально возможном для суверенных границ объеме (Van der Velde, Martin, 1997).

Регионы российско-казахстанского приграничья можно отнести к типу взаимозависимых приграничных регионов как классический пример регионов постсоветского пространства, ранее образующих единый народнохозяйственный комплекс (Карпенко и др., 2021). Эта взаимозависимость в настоящее время сохраняется преимущественно в сырьевых и транзитных секторах (нефть, газ, зерно, черные металлы, электроэнергия). В высокотехнологичных отраслях и секторе услуг связи разрываются, уступая место конкуренции за инвестиции, рынки сбыта и человеческий капитал, что превращает эти регионы из «локомотивов интеграции» в «зону экологического и демографического риска» для обеих стран.

Результаты исследования

Место регионов российско-казахстанского приграничья в национальных стратегических документах

Проблема отражения роли приграничных регионов в стратегиях пространственного развития рассматривается исследователями как в части анализа федеральных документов, так и конкретных региональных стратегий.

В исследовании А.А. Шишкина (Шишкин, 2015) анализ 44 стратегий социально-экономического развития приграничных регионов России показал, что приграничное положение в подавляющем большинстве случаев упоминается формально (в SWOT-анализе), но не становится реальным фактором развития. Лишь в единичных случаях (Ингушетия, Северная Осетия, Новосибирская область, Дагестан, ЕАО, Хабаровский край) приграничность рассматривается как угроза и слабая сторона – загрязнение природной среды, криминогенная опасность, бесконтрольная миграция. А там, где она учитывается, все сводится к типовым решениям: продвижение товаров и услуг на международном рынке (без привязки к соседям), усиление транзитной функции, туризм, создание совместных предприятий и трансграничных организаций (наиболее успешный пример – «Еврорегион Карелия»). Автор делает вывод, что приграничное положение по большей части не используется как конкурентное преимущество, а регионы конкурируют за обслуживание транспортных потоков, а не за развитие кооперационных связей.

В работе О.М. Роя (Рой, 2024) и коллективной монографии под редакцией О.В. Толстогузова (Приграничная периферия России..., 2018) отмечается, что в документах пространственного развития приграничные регионы часто рассматриваются как «периферия» с системными рисками. По мнению исследователей, стратегии развития таких территорий должны строиться на концепции «трансграничных макрорегионов» и «нового опорного каркаса регионального хозяйствования», учитывающих экономическую специализацию и инфраструктурную связанность сопредельных территорий, а не только административные границы. Схожего мнения о создании «международных

трансграничных территорий нового типа на основе общего стратегического планирования и инфраструктурного обустройства» придерживаются П.Я. Бакланов и В.Л. Ларин, отмечающие при анализе связей восточных районов России с Китаем, с одной стороны, взаимный интерес к взаимодействию на различных уровнях, а с другой – низкую эффективность использования потенциала приграничных регионов (Бакланов, Ларин, 2023).

Н.П. Гусаков и А.А. Тинькова (Гусаков, Тинькова, 2023) указывают на слабость институционального оформления механизмов приграничного сотрудничества в ЕАЭС: на внешних границах отсутствует согласованность позиций стран-участниц, механизм не вынесен на наднациональный уровень, а в договоре о ЕАЭС нет соответствующих положений. Приграничные регионы могут дополнять друг друга по ресурсам и промышленному производству, что повышает их экономическую безопасность; для реализации этого потенциала предлагается создать единую платформу для консолидации правовой и аналитической информации и обмена опытом. Сравнивая европейскую (грантовая поддержка проектов) и китайскую (торговая экспансия через логистические хабы и упрощенные режимы) модели, авторы рекомендуют странам ЕАЭС применять комплексный подход.

В работе (Карпенко и др., 2026) отмечается, что, несмотря на интеграционные инициативы, «малая интеграция» в российско-белорусском и российско-казахстанском пограничье не всегда коррелирует с масштабными стратегиями: крупные предприятия-гиганты, определяющие экономический ландшафт, ориентированы на дальние связи, а не на приграничное сотрудничество, что не находит отражения в региональных стратегиях. Роль внешних конъюнктурных факторов (кризисы, девальвация, колебания спроса) в динамике малого бизнеса существенно превышает влияние интеграционных процессов.

И.В. Савенкова и коллеги показывают, что в условиях новых геополитических реалий (санкции, разворот на Восток) выявлен дуализм стратегической роли приграничья: концентрация торговых потоков в не приграничных регионах (Москва, Санкт-Петербург, Иркутская область) сочетается с критической зависимостью самих приграничных территорий (Приморский край, Забайкалье) от одного партнера – доля Китая достигает 70–98%. Это ставит перед стратегическим планированием новые задачи по диверсификации и развитию инфраструктуры. Для превращения приграничных регионов в реальные «точки роста» необходима синхронизация стратегических документов, переход к территориально-кластерному принципу управления и концентрация ресурсов на модернизации инфраструктуры и создании высокопроизводительных рабочих мест (Савенкова и др., 2026).

Таким образом, приграничные регионы играют важную роль в стратегическом планировании и пространственном развитии, однако их потенциал используется не в полной мере. Несмотря на значительное количество исследований российско-казахстанского приграничья, объектами которых, как правило, выступали либо приграничные регионы России (Хмелева и др., 2022), либо Казахстана (Божко и др., 2021), современные геополитические вызовы требуют более активного включения приграничного фактора в документы стратегического планирования и пространственного развития на национальном и региональном уровнях.

Документы стратегического развития России и Казахстана структурированы как по уровню разработки, так и по функциональному назначению и этапам стратегического планирования. Место и роль приграничных регионов в этих документах отражает баланс между их геополитической ролью как «форпостов» государства, экономическим потенциалом для трансграничной торговли и необходимостью устранения внутреннего социально-экономического неравенства.

Основными документами стратегического планирования Российской Федерации являются: Стратегия национальной безопасности, Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, в которой для приграничных территорий декларируется особый режим поддержки и опережающее социально-экономическое развитие, а также делается акцент на развитии транспортных коридоров, поддержке опорных территорий, экономических центров и

сокращении межрегиональных различий (Концепция приграничного сотрудничества)[3]. Базовым документом для углубления экономической и гуманитарной интеграции стран СНГ является Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества[4]. В 2025 году план ее реализации был расширен и актуализирован для адаптации к современным реалиям.

На региональном уровне каждый приграничный субъект РФ имеет собственную Стратегию социально-экономического развития до 2030 или 2035 года, в которых в той или иной степени рассматриваются аспекты, посвященные приграничному и межрегиональному сотрудничеству, развитию логистики, агропромышленного комплекса и совместных промышленных проектов с казахстанской стороной.

В Казахстане общей рамкой стратегических национальных приоритетов служит долгосрочная Стратегия «Казахстан–2050» (далее Стратегия–2050), а более конкретным документом является Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 года, который ставит задачи по диверсификации экономики, развитию транспортно-логистического потенциала и формированию «сильных регионов» с целевой ориентированностью на вхождение Казахстана в число 30 самых развитых стран мира[5]. Аналогично российской Стратегии национальной безопасности действует Закон о национальной безопасности[6], определяющий цели и направления обеспечения национальной безопасности, базовые национальные интересы Республики Казахстан, среди которых защита прав граждан, сохранение суверенитета, общественное согласие, политическая стабильность и экономическая безопасность. Прямым аналогом российской Стратегии пространственного развития выступает Прогнозная схема территориально-пространственного развития страны до 2030 года[7], в которой определены ключевые «оси» развития и центры экономического роста (агломерации), многие из которых расположены в приграничных с Россией регионах (например, агломерация Актобе). Основной упор делается на превращение Казахстана в полноценный транзитный хаб.

Содержательный анализ главных приоритетов, зафиксированных в стратегических документах обеих стран относительно регионов российско-казахстанского приграничья, позволил выявить следующие ключевые положения.

1. Экономические безопасность и развитие.

Стратегией пространственного развития РФ до 2036 года (далее Стратегия–2036) российско-казахстанское приграничье определяется как ключевое направление для продвижения экспортно ориентированной экономики и евразийской интеграции. Отдельный раздел посвящен анализу тенденций и планов стратегически важных стран-партнеров включая Казахстан. Приграничное сотрудничество здесь рассматривается как приоритет, говорится о необходимости «развивать сотрудничество приграничных регионов и муниципальных образований с приграничными государствами, включая... Республику Казахстан» в рамках ЕАЭС (п. VII). Для границы с Казахстаном упор делается на кооперацию, совместные инвестиционные проекты (в добыче газа, хромовой руды, переработке зерна).

---

[3] Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р); Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2.07.2021 № 400); Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 07.10.2020 № 2577-р).

[4] Концепция межрегионального и приграничного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года и Плане мероприятий по ее реализации (утверждена Решением Совета глав правительств СНГ от 6 ноября 2020 года).

[5] Стратегия «Казахстан-2050: новый политический курс состоявшегося государства (Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана, г. Астана, 14 декабря 2012 года).

Национальный план развития Республики Казахстан до 2029 года (утвержден Указом Президента РК от 30 июля 2024 года № 611).

[6] Закон Республики Казахстан от 6.01.2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан».

[7] Прогнозная схема территориально-пространственного развития страны до 2030 года (утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 9.10.2019 № 185).

Приграничные с Казахстаном регионы в условиях переориентации внешней торговли на Восток и Юг становятся критически важными для международного транспортного коридора (далее МТК) «Север – Юг» как одного из главных приоритетов для снятия инфраструктурных ограничений и обеспечения экспортных потоков. Это отражено в задаче по развитию маршрута «Беларусь – Россия – Казахстан – Узбекистан – Афганистан – Пакистан», перспективного трансъевразийского мультимодального транспортного коридора, призванного соединить страны ЕАЭС с портами Индийского океана. На этом основании приграничные регионы в Стратегии рассматриваются как ключевые звенья МТК и являются «сухопутными воротами» для торговли с Китаем, Индией и странами Персидского залива, что критично для диверсификации экспортных маршрутов в условиях санкций.

Концепция приграничного сотрудничества в отличие от других стратегических документов развития Российской Федерации полностью посвящена тематике приграничных территорий, дает им определение и достаточно широко представляет их роль в реализации стратегических приоритетов. Приграничное сотрудничество в документе определяется как важнейший ресурс для международного сотрудничества, экономического развития и «точек роста». Роль границы здесь – мост, а не барьер. Для границы с Казахстаном это означает потенциал для углубления кооперации и интеграции.

В Национальном плане развития Республики Казахстан до 2029 года (далее – Нацплан–2029) в разделе «1.4. Комфортная среда» экономическое развитие приграничных территорий выделено в отдельный приоритет с задачами по развитию социальной, транспортной-логистической, инженерной и пограничной инфраструктуры, государственной поддержке экономики приграничных территорий, стимулированию малого и среднего предпринимательства.

В анализе региональных диспропорций указывается, что северные регионы Казахстана, граничащие с Россией, характеризуются как проблемные, но системообразующие для агропромышленного комплекса (АПК) и горнодобычи, поскольку они обеспечивают значительную долю экспорта зерна и металлов. Значимость приграничных регионов Казахстана заключается в том, что через них проходит 70% транзита товаров из Китая в Европу (трубопроводная система и железные дороги), что делает их основой для реализации транзитного потенциала страны. В разделе «3.1. Транспортно-логистический комплекс» указывается на необходимость создания трансграничных логистических хабов на границах с Россией и другими странами.

Нацплан–2029 фиксирует, что граница с Россией – это зона не только сотрудничества, но и конкуренции за инвестиции и квалифицированные кадры. Приграничные территории, особенно с Россией, в документе рассматриваются как потенциальные «точки роста» через развитие трансграничной торговли, логистики и кооперации, одновременно как способ решить проблему их экономической отсталости и оттока населения.

2. Политическая и военная стабильность.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия нацбезопасности) задает общий концептуальный контур, где приграничные территории рассматриваются прежде всего через призму угроз. Прямое упоминание приграничных территорий, приграничного сотрудничества отсутствует. Основной акцент сделан на обеспечении безопасности границы и противодействии внешнему вмешательству, а не на экономическом или гуманитарном сотрудничестве. В документе говорится об обострении военно-политической обстановки «вблизи государственной границы Российской Федерации» и о действиях некоторых стран, направленных на «инспирирование в СНГ дезинтеграционных процессов» (п. 17). Это напрямую относится к границе с Казахстаном как ключевым партнером России по СНГ и ЕАЭС. Защита суверенитета, государственной и территориальной целостности (п. 25) является одним из главных национальных интересов, что автоматически делает приграничные территории зоной стратегического внимания.

Таким образом, Стратегия нацбезопасности фиксирует высокую важность приграничных территорий, рассматривая их скорее, как плацдарм для обеспечения безопасности на южных

рубежах, а не как площадку для развития. Приграничные регионы с Казахстаном являются «мягкой» периферией, где основная угроза не военная (как на западе), а связанная с дезинтеграционными процессами. Особая роль этих территорий – являться буферной зоной стратегической стабильности, где решается задача интеграции постсоветского пространства в рамках ЕАЭС и ОДКБ.

В Законе «О национальной безопасности Республики Казахстан» практически зеркально отражены те же самые положения относительно приграничных территорий. В числе основных угроз национальной безопасности рассматриваются (Ст. 6) «угроза неприкосновенности Государственной границы Республики Казахстан и применения силы в отношении Республики Казахстан» (п. 14), «неконтролируемые миграционные процессы» (п. 3); «разведывательно-подрывная деятельность специальных служб иностранных государств» (п. 9).

Защита «неприкосновенности государственной границы и неотчуждаемости территории страны» (Ст. 5) является одним из основных национальных интересов Казахстана, автоматически делая приграничные территории зоной стратегического внимания. Уникальная значимость для Казахстана его северных регионов, граничащих с Россией, – это вопрос территориальной целостности, так как депопуляция этих территорий создает риски ослабления контроля над землями с преимущественно русскоязычным населением.

3. Социальная и демографическая безопасность.

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2036 г. в качестве одной из задач развития социальной сферы указывается сокращение уровня межрегиональной дифференциации. Изменение горизонта планирования со среднесрочного на долгосрочный обусловило изменение целевой направленности новой стратегии с выравнивания межрегиональной дифференциации через поддержку депрессивных территорий на углубленную модернизацию инфраструктуры и переход к политике «экономики предложения», ориентированной на создание новых «точек роста» через приоритетную концентрацию ресурсов в опорных населенных пунктах. С учетом того, что приграничные регионы являются одними из самых проблемных в силу своей периферийности, утрате институциональной субъектности и отсутствия встроенных механизмов поддержки в новой парадигме пространственного развития, их значимость в контексте социальной и демографической безопасности повышается, поскольку они являются «зоной риска», их состояние определяет устойчивость всей системы национальной безопасности.

Для Казахстана приграничные с Россией территории – это главная зона демографического риска. И в Нацплане–2029, и в Прогнозной схеме РК указывается, что отток населения в крупные российские города (из Северо-Казахстанской и Костанайской областей) подрывает человеческий капитал (эффект «гравитационного» влияния). Примечательно, что основная часть мигрантов – это русские и русскоязычные казахстанцы, выезжающие в Россию в поисках работы, с целью получения образования либо воссоединения с родственниками (Гарибова, 2022).

В Стратегии–2050 проблема оттока населения из приграничных территорий Казахстана, в особенности, в крупные российские города, рассматривается как одна из важнейших. В документе подчеркивается особая важность приграничных территорий для сохранения национальной идентичности и предотвращения «обезлюдевания», поэтому их развитие – это прямая задача обеспечения национальной безопасности в демографическом и геополитическом смысле. В этой связи, правительству поручается «выработать комплекс дополнительных мер по развитию приграничных районов», «сделать их более привлекательными для жизни». Кроме того, в Стратегии–2050 выделен вызов «глобального демографического дисбаланса» и миграционного давления, что также относится к приграничным территориям.

С учетом вышесказанного, с точки зрения социальной и демографической политики приграничные регионы для Казахстана – это фокус социальной политики по удержанию населения (строительство дорог, создание рабочих мест). Стабильность этих территорий напрямую влияет на достижение приоритета «Комфортная среда» (п. 1.4 Нацплана–2029).

4. Энергетическая и экологическая безопасность.

Российско-казахстанское приграничье включает Каспийский бассейн (Астраханская область) и транзитные газопроводы. В российской Стратегии–2036 данное положение отражено с позиций необходимости обеспечения устойчивого энергоснабжения в опорных населенных пунктах и приграничных территориях.

Значимость приграничных регионов заключается в том, что они являются транзитным коридором для поставок газа в Китай («Сила Сибири») и нефти через Каспий, что критично для диверсификации экспорта углеводородов и одновременно формирует критическую уязвимость национальной экономики, поскольку узкие места в этих приграничных «шлюзах» (порты Астрахани, железнодорожные подходы к Каспию, изношенность трубопроводов) сдерживают рост экспортных поставок. В связи с этим, Стратегия–2036 переводит эти территории из статуса «транзитных» в статус «опорных», требуя их форсированной через создание резервных маршрутов (не только развитие МТК «Север – Юг», но и синхронизацию с международным транспортным коридором «Восток – Запад» через приграничные регионы Южного Урала), портовой инфраструктуры Каспийского бассейна, механизмов страхования поставок.

В российских стратегических документах экологическая безопасность выделена в качестве отдельного национального приоритета (п. 26 Стратегии национальной безопасности РФ, раздел VII Стратегии–2036). Приграничные территории занимают в этой системе двойственное место. С одной стороны, это «буферные зоны», где экологические риски имеют трансграничный характер и требуют международной координации, например, в связи с дефицитом водных ресурсов (Вардомский, 2023), а с другой – это «зоны опережающего воздействия», где климатические изменения проявляются наиболее остро и требуют пилотных решений. В отличие от внутренних регионов, где экологическая политика может быть унифицированной, в приграничье она неизбежно увязана с международными обязательствами и транзитными потоками, что определяет ее особое место. Экологическая безопасность приграничья – единственная сфера, где сотрудничество с Казахстаном и другими странами является не конкуренцией, а жизненной необходимостью (совместное использование водных ресурсов, борьба с лесными пожарами, сохранение биоразнообразия Каспия) (Каспийский регион в процессах регионализации Евразии..., 2023).

Роль российских приграничных регионов в обеспечении экологической безопасности раскрывается через ключевые функции:

– «санитарного кордона» и предотвращения трансграничного загрязнения;

– «полигона адаптации» к климатическим изменениям;

– «энерго-экологического баланса» (Каспийский бассейн играет уникальную роль, совмещая транзит углеводородов (нефтепроводы, порты) с сохранением биоразнообразия).

В иерархии национальных интересов Казахстана, закрепленных в Ст. 5 Закона о национальной безопасности, энергетическая и экологическая безопасность (пп. 11, 15), также выделены как самостоятельные и взаимосвязанные приоритеты. В системе этих приоритетов российско-казахстанское приграничье занимает место энергетического и экологического «щита» страны, через который проходят основные транзитные потоки углеводородов и водных ресурсов.

В Нацплане–2029 и Прогнозной схеме–2019 роль приграничных регионов (Атырауская, Западно-Казахстанская, Мангистауская, Акмолинская, Северо-Казахстанская области) раскрывается через следующие ключевые функции:

– «транзитный мост». В Нацплане–2029 (раздел «2.1. Минерально-сырьевая база: нефть и газ», приоритет 3) указывается на необходимость «диверсификации экспортных коридоров» через Каспий и Китай. Приграничные регионы (особенно Атырауская и Мангистауская области, порт Актау) являются «воротами» для казахстанской нефти на мировые рынки. Через них осуществляется транзит по маршрутам: Каспийский трубопроводный консорциум (КТК) – через Россию и нефтепровод «Атасу – Алашанькоу» – в Китай;

– «газораспределительный узел». В том же разделе Нацплана–2029 указана задача «обеспечения инфраструктуры для внутренних поставок газа» и газификации северо-восточных регионов через строительство газопровода «Сарыарка»;

– «опорный пункт» для транзита электроэнергии. В Прогнозной схеме–2019 (раздел «Энергообеспеченность», п. 1.1) отмечается, что «Единая электроэнергетическая система Казахстана работает устойчиво в параллельном режиме с энергосистемами Российской Федерации и стран Центральной Азии», однако имеется необходимость «объединения энергосистемы Западного Казахстана с ЕЭС Казахстана» и строительства ЛЭП для перетока энергии из Северной (энергоизбыточной) зоны в Южную (энергодефицитную).

Российско-казахстанские приграничные регионы занимают центральное место в обеспечении энергетической и экологической безопасности Казахстана, являясь одновременно «топливной артерией» и «водным реципиентом» страны. Экологическая безопасность приграничья в Нацплане–2029 рассматривается через призму трансграничных водных ресурсов и климатических рисков, что придает этим территориям особую, стратегическую роль. Ключевым вызовом назван дефицит воды, особенно в бассейнах трансграничных с Россией рек Урал, Иртыш и Тобол. Это стратегический приоритет, так как 50% речного стока Казахстана формируется за пределами страны (Национальный план, п. 4.3). Потеря качества или объема воды угрожает продовольственной безопасности (северные регионы – «зерновая корзина» Казахстана).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что место и роль приграничных регионов в России и Казахстане различаются кардинально и являются следствием их разного экономического веса и геополитического положения. Для России приграничье с Казахстаном – это важный, но проблемный ресурс, который необходимо интегрировать в новую логистическую и экономическую архитектуру страны, одновременно решая проблемы их социально-экономического отставания. Основная роль – инфраструктурно-логистический щит, обеспечивающий разворот торговли на Восток и Юг.

Для Казахстана приграничье – основа экономического суверенитета и устойчивости. Его развитие является стратегической задачей, поскольку от этого зависит сохранение контроля над ключевыми экономическими активами и способность противостоять демографическому давлению извне. Основная роль – демографический и экономический фронт, где решается задача сохранения территориальной целостности через удержание населения и создание рабочих мест.

Социально-экономическая динамика приграничных регионов России и Казахстана

Существует большое количество методов и подходов оценки региональной дифференциации. В работе для объективизации влияния приграничного фактора на макроэкономическую динамику используется триада базовых индикаторов: демографический вес – доля численности населения приграничных регионов в общей численности населения страны; экономический вес – доля ВРП приграничных регионов в ВВП страны; инвестиционная активность – доля инвестиций в основной капитал в общем объеме инвестиций в основной капитал страны.

При доле численности населения российских регионов российско-казахстанского приграничья 18,68% по уровню 2024 года вклад в ВВП этих регионов составлял лишь 10,97% ВВП страны, а удельный вес инвестиций в основной капитал в общем объеме инвестиций в основной капитал страны – 9,51%, что свидетельствует об их периферийном статусе, слабой реализации транзитного и экспортного потенциала государства и недостаточной интеграции местных экономик в глобальные цепочки поставок и низкой инвестиционной привлекательности. Казахстанские приграничные регионы при доле численности населения приграничных регионов 28,69% формируют практически треть ВВП и объема инвестиций в основной капитал, выступая ключевым драйвером национальной экономики, что указывает на их высокий геоэкономический и стратегический потенциал (*рис. 1–3*).

Такая значительная доля инвестиций для страны означает перенос центров экономической активности ближе к внешним рынкам, развитие межгосударственной кооперации, транзитной логистики и необходимость создания защищенной инфраструктуры.

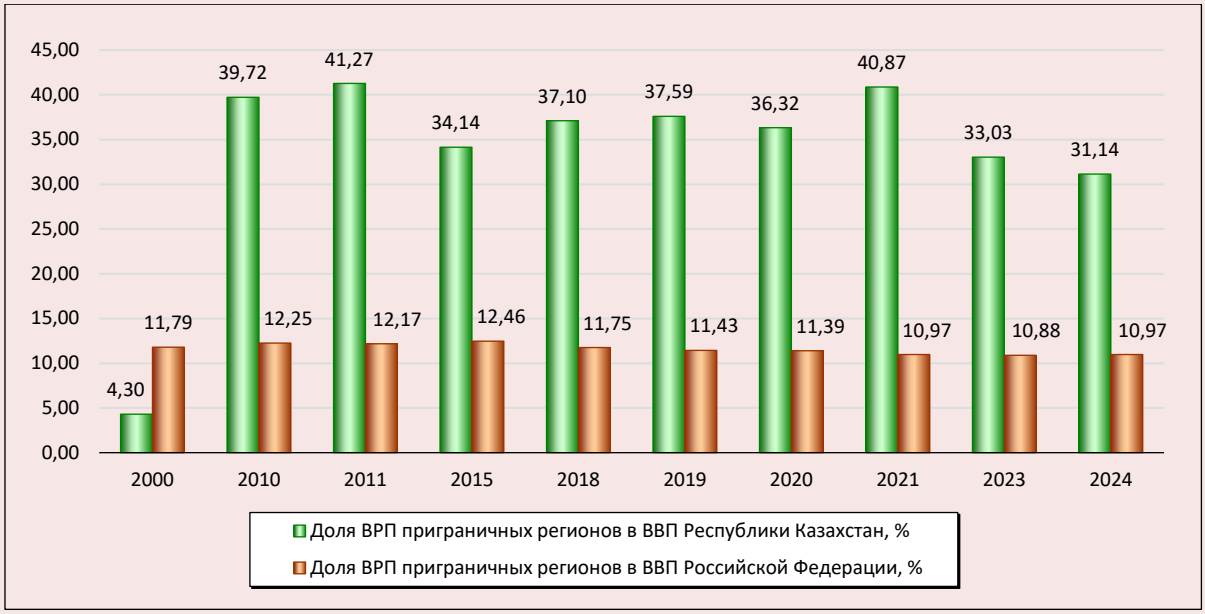
Следует отметить наличие негативной динамики за 2000–2024 гг. для обеих стран как в части снижения удельного веса численности населения приграничных территорий (с 19,73 до

Рис. 1. Динамика доли численности населения регионов российско-казахстанского приграничья в общей численности населения Российской Федерации и Республики Казахстан за 2000–2024 гг., %

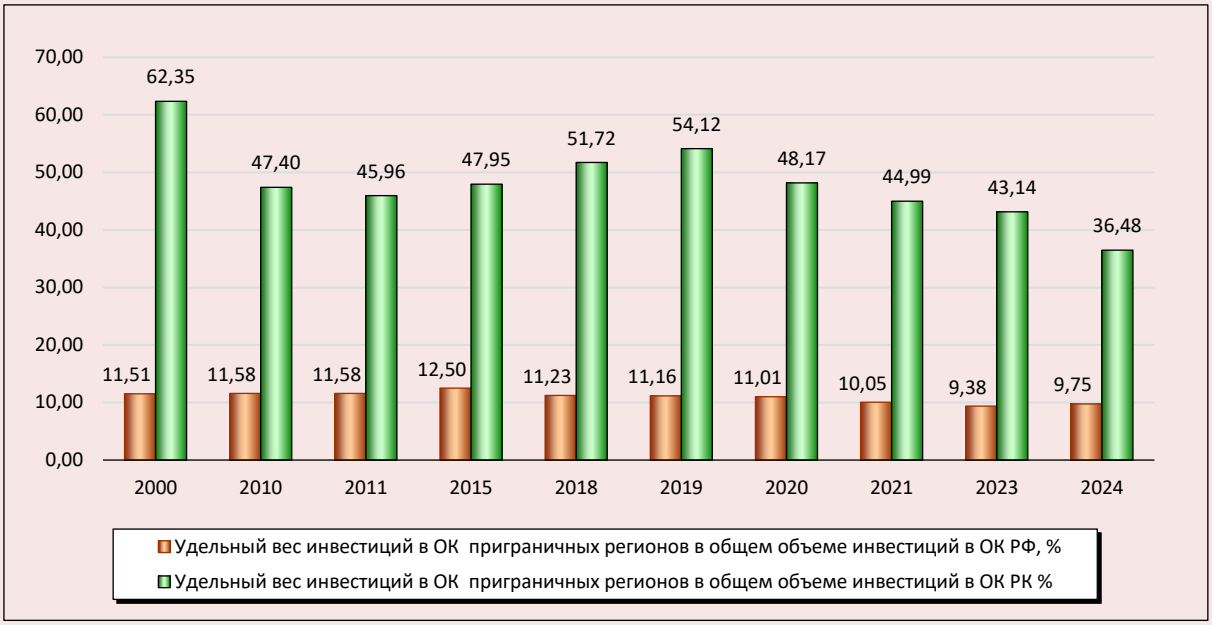
Источники: https://rosstat.gov.ru/perepisi_naseleniya; https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/355136/

Рис. 2. Динамика доли ВРП регионов российско-казахстанского приграничья в ВВП Российской Федерации и Республики Казахстан, %

Источники: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts; https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/national-accounts/publications/306652/.

Рис. 3. Динамика удельного веса инвестиций в основной капитал регионов российско-казахстанского приграничья в общем объеме инвестиций в основной капитал Российской Федерации и Республики Казахстан, %

Источники: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial; https://stat.gov.kz/ru/region/.

18,68% для России и с 38,26 до 28,69% для Казахстана), так и формируемого ими вклада в ВВП (с 11,79 до 10,97% для России и с 39,72% в 2010 г. до 31,14% в 2024 г. для Казахстана) и общего объема инвестиций в основной капитал (с 11,51 до 9,75% для России и с 62,35% до 36,48 % для Казахстана), причем для Казахстана снижение по всем трем показателям гораздо значительнее, чем для России.

Результаты выполненного анализа свидетельствуют о том, что российские приграничные с Казахстаном регионы являются периферийными и депрессивными. За период 2000–2024 гг. при средней доле в населении страны в 19,26% их вклад в ВВП составляет всего 11,72%, а в общий объем инвестиций в основной капитал – 10,98%. Это свидетельствует о слабой реализации транзитного и экспортного потенциала и низкой инвестиционной привлекательности приграничья.

Для Казахстана приграничные с Россией регионы выступают ключевым драйвером национальной экономики. За тот же период 2000–2024 гг. при средней доле в населении в 32,70% они формируют более трети ВВП (36,41%) и практически половину инвестиций в основной капитал (48,22%). Это указывает на их высокий геоэкономический и стратегический потенциал. Однако и для Казахстана характерна более значительная, чем у России, негативная динамика снижения доли этих регионов в общенациональных показателях, что является серьезным вызовом.

На основании вышеизложенного можно утверждать, что российские приграничные регионы занимают «подчиненное» место в иерархии стратегических приоритетов. Они важны не как «точки роста», а как «опорные пункты» для логистики и поддержания военно-политического влияния в Центральной Азии. Их роль в достижении национальных целей (рост производительности труда, технологический суверенитет и др.) минимальна, так как основная концентрация ресурсов согласно Стратегии–2036, идет на создание инфраструктуры «опорных населенных пунктов», что подтверждается низкой долей инвестиций в основной капитал (9,51%).

Роль приграничных регионов Казахстана – стратегически важная, но проблемная. Согласно Нацплану–2029 они являются фокусом

политики «Комфортная среда» и развития АПК. Однако падение ВРП на 10% указывает на то, что без кардинального пересмотра модели (переход от транзита к глубокой переработке и созданию производственных кластеров) они останутся зоной перманентной стагнации, угрожая приоритету «незыблемости территориальной целостности» (депопуляция северных регионов).

Таким образом, приграничные регионы России и Казахстана в настоящее время не могут являться драйверами реализации стратегий. Их текущее социально-экономическое положение свидетельствует о том, что поставленные в стратегических документах цели по интеграции, диверсификации экономики и удержанию населения достигнуты лишь частично. Реальная роль этих территорий – оставаться зоной стратегического присутствия и буфером, но для превращения в центры роста им требуются не только декларации, а масштабные инвестиции в обрабатывающую промышленность и человеческий капитал, которые пока направляются в столичные агломерации.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что российско-казахстанское приграничье представляет собой стратегически значимое социоэкономическое пространство, отличающееся высоким транзитно-логистическим потенциалом, многообразием отраслевых специализаций и глубокой взаимозависимостью экономических и социокультурных связей.

Значение экономического сотрудничества двух стран выходит далеко за рамки торговых отношений. Оно состоит в обеспечении экономической, социальной, энергетической и экологической безопасности обеих стран: через приграничье проходят ключевые транзитные потоки углеводородов, электроэнергии и водных ресурсов, формируется продовольственная база (зерно, металлы) и поддерживается занятость населения. Кроме того, сотрудничество является основой политической и военной стабильности в Центральной Азии: оно укрепляет союзнические отношения в рамках ЕАЭС и ОДКБ, предотвращает дезинтеграционные процессы на постсоветском пространстве и создает буферную зону стратегической стабильности на южных рубежах.

Различия ролей приграничных регионов для России и Казахстана носят принципиальный характер. Для России приграничье – это инфраструктурно-логистический щит, обеспечивающий разворот торговли на Восток и Юг, а также инструмент поддержания военно-политического влияния в Центральной Азии. Для Казахстана приграничье – это демографический и экономический фронт, где решается задача сохранения территориальной целостности через удержание населения и создание рабочих мест, а также основа экономического суверенитета и транзитного статуса. Если для России эти территории важны преимущественно как «опорные пункты» для логистики, то для Казахстана – как зона критического демографического риска и экономической устойчивости.

Препятствия, риски и угрозы для развития экономического сотрудничества включают отсутствие единой совместной стратегии развития приграничных территорий; нарастающий разрыв между развитием «коридорной» инфраструктуры и качеством жизни населения; усиление пространственной поляризации и концентрацию ресурсов в столичных агломерациях; депопуляцию и отток квалифицированных кадров (особенно с казахстанской стороны); конкуренцию за инвестиции и рынки сбыта; узкие места в приграничной инфраструктуре (порты, железнодорожные подходы, изношенность трубопроводов); а также институциональный разрыв между декларируемым «опережающим развитием» и реальным объемом трансфертов и инвестиций.

Для превращения обеими странами приграничных регионов в центры роста необходимо: 1) перейти к территориально-кластерному принципу управления на основе системы опорных каркасов северной евразийской хорды; 2) осуществить системную институциональную реконфигурацию, рассматривающую приграничье не как периферию, а как активный элемент адаптивной самоорганизации; 3) разработать и реализовать совместные программно-проектные механизмы (трансграничные кластеры, логистические хабы, совместные инвестиционные проекты); 4) обеспечить синхронизацию стратегических документов обеих сторон в части развития приграничных территорий;

5) сконцентрировать ресурсы на модернизации инфраструктуры и создании высокопроизводительных рабочих мест, способных остановить отток населения.

Таким образом, сопоставление целевых установок, зафиксированных в стратегических документах России и Казахстана, с динамикой статистических показателей показывает: место приграничным регионам отведено, но их роль еще предстоит спроектировать. От этого зависит, станут ли они «точками роста» новой многополярной экономики или «точками напряженности», тормозящими интеграцию. Без перезагрузки институтов управления и финансовых механизмов приграничный статус останется декоративным ярлыком, а российско-казахстанское приграничье не станет активным элементом адаптивной самоорганизации, обладающим собственной траекторией развития, работающим на национальные интересы обоих государств.

Литература

Арсентьева И.И. (2012). Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе // Вестник Забайкальского государственного университета. № 6 (85). С. 24–29.

Бакланов П.Я. (2018). Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. № 3 (61). С.19–24.

Бакланов П.Я., Ларин В.Л. (2023). Дальневосточные районы РФ в современном российско-китайском взаимодействии // Мировая экономика и международные отношения. Т. 67. № 6. С. 5–16. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-6-5-16.

Бийжанова Э.К. (2015). Российско-казахстанское приграничье: социологический анализ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 6 (42). С. 224–231.

Бильчак М.В. (2014). Приграничное сотрудничество в свете современных интеграционных процессов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. № 1. С. 11–20;

Боброва В.В., Рогова В.В. (2025). Приграничное сотрудничество как фактор развития регионов // Экономика, предпринимательство и право. № 1. С. 599–615.

Божко Л.Л., Сейтхамзина Ж., Джунусова С.С., Челетти Д. (2024). Имплементация ЦУР на региональном уровне: опыт Казахстана и России // «Вестник университета «Туран». № 1. С. 99–114.

Вардомский Л.Б. (2017). Фактор соседства в экономическом развитии новых приграничных регионов России // Мир перемен. № 3. С. 91–104.

Вардомский Л.Б. (2023). Новые тренды регионализации международных экономических отношений на евразийском пространстве // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сборник научных статей Международной научно-практической конференции: в 2 т. Минск. С. 17–22.

Гарибова Ф.М. (2022). Миграционные процессы между Россией и Казахстаном в приграничных регионах // Глобальные вызовы демографическому развитию: сборник научных статей: в 2 т. / редакторы О.А. Козлова [и др.]. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН. С. 339–346. DOI: 10.17059/udf-2022-3-4

Гусаков Н.П., Тинькова А.А. (2023). Формы приграничного сотрудничества в контексте развития интеграционных процессов Евразийского экономического союза: научные труды Вольного экономического общества России. Т. 241. № 3. С. 332–341. DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-332-341

Калугина З.И., Фадеева О.П. (2016). Восточное приграничье России: альтернативы сельского развития // ЭКО. № 1 (499). С. 36–48.

Карпенко М.С., Колосов В.А., Себенцов А.Б. (2021). Трансформация российско-казахстанского пограничья в постсоветский период: институциональное и экономическое измерения // Проблемы национальной стратегии. № 5 (68). С. 25–40.

Карпенко М.С., Морачевская К.А., Себенцов А.Б., Кузавко А.С. (2026). Приграничное экономическое сотрудничество на внутренних границах ЕАЭС: от эксплуатации советского наследия к новым кооперационным связям? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Т. 20. № 3. С. 120–131. DOI: 10.63973/1998-6785/2026-3/120-131

Каспийский регион в процессах регионализации Евразии (2023): коллективный научный доклад / отв. ред. Л.Б. Вардомский. Москва: Институт экономики РАН. 74 с.

Кузавко А.С. (2023). Приграничные регионы в условиях интеграции: теоретические оценки и практические результаты // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 108–130.

Морачевская К.А. (2022). Феномен приграничности: подходы к интерпретации и роль центрпериферийных градиентов // Региональные исследования. № 3. С. 44–53.

Орлова Л.Н., Ян Мин Цзе (2025). Реализация концепции «умной специализации» в регионах России, граничащих с Китаем // Экономические стратегии. № 1 (199). С. 80–87. DOI: https://doi.org/10.33917/es-1.199.2025.80-87

Приграничная периферия России: геоэкономика, коммуникации, стратегия (2018): коллективная монография / под ред. О.В. Толстогузова. Петрозаводск: КарНЦ РАН. 241 с.

Рой О.М. (2024). Российско-казахстанское приграничье: на пути к формированию трансграничных макрорегионов Сибири // Экономика региона. Т. 20. № 4. С. 1026–1040. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-4-4

Савенкова И.В., Добродомова Т.Н., Пьянкова М.Г., Добродомов С.В. (2026). Развитие приграничных регионов в призме российско-китайских отношений в условиях нового экономического порядка // Экономика. Информатика. 2026. Т. 53. № 2. С. 254–264. DOI: 10.52575/2687-0932-2026-53-2-254-264

Ткачев С.А., Болотов Д.А., Межевич Н.М. (2016). Приграничное сотрудничество в региональном социально-экономическом развитии: теория, российская практика // Региональные проблемы преобразования экономики. № 1 (63). С. 87–93.

Хмелева Г.А., Асанова С.С., Курникова М.В. (2022). Базовые принципы стратегического подхода к конвертации приграничного положения российских сопредельных регионов в конкурентные преимущества // Экономика, предпринимательство и право. Т. 12. № 8. С. 2161–2176.

Шишкин А.А. (2015). Стратегическое планирование в приграничных регионах России // Экономика и управление. № 5 (115). С. 28–33.

Anderson J., O'Dowd L. and Wilson T.M. (Eds). (2003). *Culture and Cooperation in Europe's Borderlands*. Brill.

Herzog L.A. (1990). *Where North Meets South: Cities, Space, and Politics on the U.S.-Mexico Border.* Austin: University of Texas Press.

House J.H. (1980). The frontier zone: A conceptual problem for policy makers. *International Political Science Review,* I(4), 456–477. DOI: 10.1177/019251218000100403.

Martinez O.J. (1994). *Border People: Life and Society in the U.S. – Mexico Borderlands*. University of Arizona Press.

Турысбекова А.Б., Өмірзақова Ә.Қ. (2021). Выявление тенденций социально-экономического развития регионов Казахстана // Economy: strategy and practice. № 16 (2). С. 98–106. DOI: 10.51176/1997-9967-2021-2-98-106

Van der Velde B., Martin R. (1997). *So many regions, so many borders. A behavioural approach in the analysis of border effects. Paper prepared for the 37th European Congress of the European Regional Science Association, Rome, Italy, Aug. 26-29, 1997.* Rome.

Сведения об авторах

Светлана Александровна Кириллова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: kirillova_sa@mail.ru)

Дамир Ахнафович Гайнанов – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: 2d2@inbox.ru)

Kirillova S.A., Gainanov D.A.

Assessing the Place and Role of the Russian-Kazakhstan Borderlands in the Strategic Priorities of Russia and Kazakhstan

Abstract. The relevance of the study stems from the strategic importance of the Russian-Kazakhstan borderlands as one of the key Eurasian macroregions and from their development amid the transformation of the global economy, geopolitical shifts, and growing spatial polarization. The study aims to determine the place and institutional role of the border regions of Russia and Kazakhstan within strategic national priorities, as well as to identify imbalances between declared national interests and the actual socio-economic processes on both sides of the border. The scientific novelty of the study lies in a comprehensive cross-country analysis of the hierarchy of national interests of the two states with regard to their shared borderlands, based on a hybrid research design that combines qualitative content analysis of strategic documents with quantitative analysis of panel data for 2000–2024 using gap analysis. Unlike previous studies focused on individual aspects of cross-border cooperation, this study systematically compares the strategic priorities and national interests of both countries with current dynamics and reveals a persistent institutional gap. The study finds that Russia's strategic documents assign border regions the role of a logistics and transit shield, whereas Kazakhstan views them as the foundation of economic sovereignty and demographic resilience. At the same time, the statistical indicators for the period under study point to stagnation in the borderlands: with an average population share of 19.26%, Russian border regions generate only 11.72% of GDP, while Kazakh border regions, having lost a third of their economic weight, are ceasing to be an unconditional growth driver. This indicates a persistent institutional gap between the priorities and national interests declared in strategic documents and actual macroeconomic dynamics. In conclusion, the study identifies policy vectors common to both countries aimed at overcoming this gap through a transition to a territorial-cluster management approach, a systemic reconfiguration of institutions, and program and project mechanisms that can convert the transit potential of the borderlands into sustainable socio-economic development.

Key words: border regions, border territories, Russian-Kazakhstan borderlands, national interests, strategic national priorities.

Information about the Authors

Svetlana A. Kirillova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: kirillova_sa@mail.ru)

Damir A. Gainanov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Chief Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: 2d2@inbox.ru)

Статья поступила 10.07.2026.